

Ты что такое?

Я — это ты.

Как такой урод, как ты, может быть мной?

Это не я урод, это ты сам.

Ли Цзя, сокровище, просыпайся. Сегодня у тебя выпускной экзамен, не подведи людей.

Голос звучал нежно, чарующе и с легким намеком на соблазн.

Какая это сестрица меня зовет?

Сонный Ли Цзя отчетливо увидел перед собой манящие губы и присмотрелся повнимательнее...

Черт, да что ты творишь?

Никакой соблазнительной сестрицы не было и в помине — те проклятые губы принадлежали Ницше, и что пугало еще сильнее, теперь голос Ницше звучал сладко и приторно.

Ницше, ты что, с дуба рухнул?

Я тут детально изучил процесс человеческого спаривания. В науке о психологическом внушении говорится, что разговор таким тоном способен стимулировать выработку мужских гормонов.

Пожалуй, это можно было считать одним из проявлений прогресса Ницше: по мере того как он усваивал все больше знаний, его манера речи и выражение эмоций становились все богаче.

Стимулируй себе что-нибудь другое!

К этому моменту Ли Цзя уже успел заметить целую гору порнографических видео и книг. Ли Ле, этот мерзавец, был поистине богат на всякое добро!

С громким стуком запертая дверь распахнулась от удара ноги Ли Ле.

К счастью, Ницше среагировал быстро и мгновенно превратился в левую руку. Такой внезапный налет заставил и без того слабое сердце Ли Цзя дважды отчаянно ёкнуть.

Мелкий паршивец, вставай давай, экзамен на носу...

Не договорив, Ли Ле повернулся и уставился на ту самую кучу своих сокровищ. Ткнув пальцем в Ли Цзя, он неловко и смутно хихикнул:

Шевелись давай, дуй на экзамен. У меня еще целый склад такого добра припасен, вернешься — досмотришь.

Вот же оригинал. Ни один старший в здравом уме не смог бы сморозить такую бесстыдную чушь.

Выпускной экзамен? Для такого человека, как Ли Цзя, в нем не было ни капли надежды, чистая формальность.

Когда на экране перед его глазами появились экзаменационные вопросы, голова Ли Цзя была полностью занята мыслями о том самом ударе, которым он недавно разрубил Таньлана пополам.

Кайф! С тех пор в сети только и делали, что всю пересылали запись его эффектного удара. Первые тридцать минут избиения в одни ворота комментаторы дружно переквалифицировали в хитроумную ловушку для противника.

Яркие заголовки пестрели вопросами:

Элитный ас из армии? Или представитель древнего клана?

Кто же ты на самом деле?

Кто же? Неужели это та самая программа для накрутки очков, которой он пользовался раньше? Или какой-нибудь жалкий новичок, забитый им до смерти?

Те, кто видел выступление Странника, просто не верили собственным глазам. Павлиний Небесный Экран — если быть точным, он немного отличался, движения клинка были более хаотичными, чем по канонам, но куда более плотными. И уж точно на голову превосходили оригинал по убойной силе.

Даже если объесться запрещенных стимуляторов, бестолковая птица не сможет в мгновение ока взлететь на самую вершину. Те, кто ничего не знал о Страннике, просто посмотрели видео и решили, что этот парень чертовски силен.

Но те бедолаги, которых Ли Цзя в свое время от души повозил мордой по асфальту, наотрез отказывались верить увиденному в ролике. Они отказывались верить, что недавний мальчик

для битья теперь владеет техникой, способной одним ударом решить исход битвы.

В итоге толпы игроков повалили в зону Аида, чтобы проверить свои силы. Но как назло, от Ли Цзя не осталось и следка.

Ли Цзя и рад бы поиграть, но не смел. Поскольку Ницше представлял собой особую форму жизни — паразита, которому для выживания требовались ресурсы, поставляемые Ли Цзя, — здесь возникал своего рода баг.

Когда человеческое тело истощено до предела, человек физически не способен совершать резкие движения: даже если есть желание, нет сил. С Ницше дело обстояло иначе: как бы сильно ни уставал Ли Цзя, тот мог расходовать его выносливость на пределе возможностей, пока носитель буквально не свалится замертво.

Последствия применения той убойной техники оказались весьма суровыми: здоровый парень провалялся в постели целую неделю. Вся гамма ощущений — ломота, онемение, покалывание, распирание и боль — сопровождалась периодическими приступами судорог.

Подобное положение дел определенно создавало серьезную проблему для их тандема. Нельзя же, в самом деле, после вступления в армию вырубить врага, а потом со спокойной совестью отправляться в военный госпиталь. На поле боя каждый сам за себя!

Поэтому лучшим советом от Ницше было завязать с армией. Ли Цзя этот совет просто проигнорировал.

Его взгляд снова упал на экзаменационные вопросы. Он пялился на них добрых полчаса.

Чертовщина, кто вообще составлял эти вопросы? Почему нельзя выражаться по-человечески? Какого хрена эти убудки вытащили птичий язык умерших тысячи лет назад? Ницше, ты сможешь ответить?

Ницше не способен это понять.

Черт, я же говорю, что их составляли сукины дети, раз даже великий философ Ницше не в силах в этом разобраться.

Я не философ, я психолог.

Реплику создания, которое почитало книжки всего пару дней, а уже вовсю мнило себя мастером, Ли Цзя благополучно пропустил мимо ушей.

Раз не понимаешь, отдувайся за меня, мне нужно вздремнуть.

Студент за двадцать третьим партой, соблюдайте тишину. Первое предупреждение.

Голос прозвучал чуть громче, чем нужно, и бдительная надзирательница-старуха тут же пресекла нарушение. За двумя предупреждениями следовало немедленное изгнание.

Да и плевать. Ли Цзя, откинувшись на спинку стула, уже витал в облаках.

Ницше совершенно не улавливал суть вопросов на проверку эмоционального интеллекта, зато живо интересовался окружающей обстановкой. С момента своего пробуждения он только и делал, что просиживал штаны дома в компании затворника Ли Цзя.

Люди в экзаменационном зале, их мимика, малейшие движения, нахмуренные брови, улыбки уголкам рта, пальцы, теребящие виски — все это позволяло Ницше безошибочно считывать чужие эмоциональные реакции.

До чего же занятные создания эти люди!

Возможно, в силу природы, а возможно, из чистых инстинктов, Ницше испытывал любопытство к абсолютно ко всему, докапываясь до самой сути вещей. Ли Цзя некогда восхищался его врожденными аналитическими способностями и талантом к расчетам в бою, но он не догадывался, что звериные инстинкты выживания, граничащие с хладнокровием, делали Ницше мастером понаблюдать за окружающим миром.

Способность Ли Цзя засыпать в любой ситуации тоже была сродни искусству, особенно когда ему доводилось сталкиваться с невыносимой скукой.

Сквозь полусон он почувствовал, как к нему приближается один из экзаменаторов. За годы преподавания чего только не приходилось повидать, но чтобы кто-то отвечал на вопросы на экране с закрытыми глазами — такое он видел впервые в жизни.

Прошли еще несколько дней, после чего для Ли Цзя началась совершенно новая жизнь.

Осознав, что его светлое будущее уже почти у него в руках, он уперся в нелепое ограничение по физической подготовке. Единственным способом укрепить тело оставались тренировки, поэтому с тех пор дни напролет уходили на спортзал.

Комната гравитации, комната выносливости, комната координации движений — он проходил их одну за другой. Этот комплекс нагрузок позволил Ли Цзя трезво посмотреть на себя со стороны.

Если поначалу Ли Цзя держался расслабленно на фоне оживленно болтавших и тренировавшихся парней и девчонок, то вскоре ему пришлось выкладываться на все сто. Стоило ему зайти в двухкратную гравитационную камеру, как уже через десять минут тело

налилось свинцовой усталости.

Парни, девчонки и крепкие мужики бросали на полностью закутанного в экипировку Ли Цзя оценивающие взгляды с таким многозначительным подтекстом: пришел тренироваться в таком виде? Новичок, что с него взять.

Ницше на левой руке свободно менял форму в широком рукаве, помогая Ли Цзя правильно выполнять упражнения.

Как-то раз раздался добродушный голос:

Эй, Ли Цзя, ты тоже здесь!

Обернувшись на звук, он увидел пухлого паренька с круглым детским лицом, ручками-сардельками и небольшим спасательным кругом на животе, из-за чего тот выглядел довольно забавно. Где-то он уже его видел.

Ха, братец, и тебя сюда занесло? Тебе-то с такой тушей зачем сюда тащиться? Вот мне с моим дрыщавым телом самое то.

С этими словами он подошел и хлопнул пухляка по груди в районе условных бицепсов, поднимая палец вверх:

Крепыш!

Подобную фальшь Ли Цзя пускал в ход без малейших раздумий. Малыш, видимо, привык, что его зовут не иначе как жиробасом, и впервые услышав в свой адрес такой комплимент, тут же проникся к Ли Цзя симпатией.

Ли Цзя, ты тоже собираешься в военное училище? — возбужденно спорил пухляк.

Военное училище? То самое, куда поступить — сущий ад?

Даже столь невежественный в учебе человек, как Ли Цзя, знал, что в военные академии поступить трудно. А вот насколько именно — об этом он имел весьма смутное представление.

Паренек принял горделивый вид и пояснил:

Раньше нам о поступлении в военные училища и мечтать не стоило. Но несколько лет назад в Военном училище Кайсарин провели реформу: проходной балл на мечях и мечах сделали намного ниже, чем на командно-космическом факультете, к тому же расширили набор. Моих

баллов вполне хватит. Глянь вон туда и вон туда — все они тоже метят в военные училища. Наберется человек шестьдесят.

Сколько же их...

Ли Цзя невольно почувствовал легкий трепет: с каких это пор меха стали стоять так дешево? Проходной балл низкий, а не попробовать ли и мне?

Наивный увалень и ведать не ведал, что оценки этого пухляка входили в верхушку школьного рейтинга. Проходной балл на мечях и мехах действительно был ниже, но Ли Цзя не знал, что даже самый низкий проходной порог за всю историю должен был соответствовать баллам первоклассных учебных заведений Федерации. Из тех шестидесяти человек на площадке повезло бы разве что пятерым, и то в лучшем случае.

Слушая тебя, я аж сам захотел попробовать. Ты тоже метишь в пилоты мехов?

Ли Цзя с сомнением окинул взглядом горы жира собеседника.

Я-то хочу, да только моя физическая форма не дотягивает, смогу устроиться разве что техником по обслуживанию мехов...

Дальше последовал долгий рассказ о его грандиозных идеалах — от сравнения различных военных училищ до их материально-технической базы. Спустя полчаса этот парень окончательно задолбал Ли Цзя своим жужжанием, тем более что неучу до этого не было никакого дела.

Не найдя другого выхода, Ли Цзя под предлогом срочной нужды поспешил ретироваться от воодушевленного болтуна, рожденного с даром бесконечной разговорчивости.

Ницше, кто этот чувак?

Мы общались битый час, а он так и не назвал своего имени.

Твой одноклассник. Вы вместе сидели за столом на выпускном банкете, и ты вроде наговорил ему кучу пафосных речей о верности и братстве.

Вот блин, да он многим успел наговорить подобного. Только вот в лицо теперь не узнает никого.

<http://bllate.org/book/22025/2289727>